

Приготовления к новой конференции

В предыдущих главах я проследил наступление советских армий к границам Польши и Венгрии. Заняв 20 октября Белград, русские возобновили свое наступление вверх по долине Дуная, но, чем дальше они продвигались по Венгерской равнине, тем ожесточеннее становилось сопротивление. 29 ноября они создали плацдарм по ту сторону Дуная в 80 милях ниже Будапешта и двинулись на север. К концу декабря столица Венгрии была окончательно окружена, и в течение шести недель в ней шли самые ожесточенные за всю войну уличные бои. На берегах озера Балатон упорное сопротивление и ожесточенные контратаки немцев также остановили наступление русских до весны.

В Польше русские потратили осенние месяцы на наращивание своих сил после поразительных летних наступательных операций. В январе русские уже были готовы. Двинувшись на запад со своих плацдармов у Сандомира, они пересекли в конце месяца германскую границу и проникли в глубь обширного промышленного бассейна Верхней Силезии. Дальше на севере, форсировав Вислу по обе стороны Варшавы, они захватили 17 января город и, окружив Познань, устремились к нижнему течению Одера, а также к Штеттину и Данцигу. Одновременно, сметая все на своем пути, они занимали Восточную Пруссию с востока на юг. К концу января они захватили ее целиком, за исключением хорошо обороняемой крепости Кенигсберг. Здесь так же, как и в Данциге, гарнизон продолжал упорную, но безнадежную оборону до апреля. Немецкие войска, отрезанные в Курляндии, оставались там до самой капитуляции, так как Гитлер не позволял им уйти отсюда.

Советское верховное командование, располагавшее превосходящими силами в соотношении, вероятно, 3 : 1 на суше и господством в воздухе, применило стратегию, напоминающую окончательную победу Фоша в 1918 году. В результате целой серии сражений то здесь, то там на всем широком фронте образовывались один за другим прорывы, пока весь фронт не оказывался вынужденным отступить.

* * *

Кампания, которую мы сами вели на западе, хотя и в меньших масштабах, также привела нас к границам Германии, так что к концу января 1945 года гитлеровские армии, по существу, оказались зажатыми в границах своей собственной территории, если не считать их ненадежных позиций в Венгрии и Северной Италии. Там, как уже отмечалось, искусное, но безнадежно подорванное наступление Александра остановилось. В ноябре

стратегическая и тактическая авиация начала продолжавшуюся шесть месяцев кампанию по разрушению железных дорог от самого рейха до Италии. В результате разрушения трансформаторных подстанций по большей части линии, проходящей через Бреннерский перевал, противник был вынужден перейти от электрической к паровой тяге, и переброска его подкреплений и материалов была сильно затруднена. Невозможно описать упорные ежедневные операции союзной тактической авиации, которой командовал генерал Кэннон, непосредственно подчинявшийся главнокомандующему авиацией американскому генералу Экеру. Уничтожая силы противника, несмотря на скверную погоду, она оказала большую помощь осенней кампании.

Однако освобождение Италии закончилось только весной.

Таково было военное положение накануне предстоявшей конференции «трех».

* * *

Политическое положение, во всяком случае в Восточной Европе, было далеко не столь удовлетворительным. В Греции, действительно, было установлено равновесие, хотя и ненадежное, и казалось, что довольно скоро там можно будет сформировать свободное демократическое правительство на основе всеобщего избирательного права и тайного голосования. Но Румыния и Болгария перешли во власть советской военной оккупации. Венгрия и Югославия стали полем сражений, а Польша, хотя и освобожденная от немцев, лишь сменила одного завоевателя на другого. Неофициальное и временное соглашение, достигнутое мною со Сталиным во время моей поездки в Москву в октябре, не могло иметь и, с моей точки зрения, никогда не имело своей целью определять или влиять на дальнейшую судьбу этих обширных районов после разгрома Германии.

Весь вопрос о форме и структуре послевоенной Европы требовал пересмотра. Как относиться к Германии после того, как нацисты будут побеждены? Какой помощи можно ждать от Советского Союза для окончательного разгрома Японии? А когда кончится война, какие меры и какую организацию смогут предложить три великих союзника для обеспечения будущего мира и правильного управления всем миром? Переговоры в Думбартон-Оксе закончились разногласиями. Точно так же, правда, в более узкой, но не менее важной форме, закончились переговоры между опекаемыми Советами «люблинскими поляками» и их соотечественниками из Лондона, на которые Иден и я с таким трудом добились согласия во время нашей поездки в Кремль в октябре 1944 года. Безрезультатная переписка между президентом и Сталиным, о которой меня постоянно информировал Рузвельт, сопутствовала разрыву Миколайчика с его лондонскими коллегами, а 5 января вопреки желаниям Соединенных Штатов и Англии, Советы признали люблинский комитет в качестве временного правительства Польши.

Президент уже сообщил мне о письмах, которыми он обменялся со Сталиным. Вот они:

Маршал Сталин — президенту Рузвельту

27 декабря 1944 года

...Ряд фактов, имевших место за время после последнего посещения г-ном Миколайчиком Москвы, и, в частности, радиопереписка с правительством Миколайчика, перехваченная нами у арестованных в Польше террористов — подпольных агентов польского эмигрантского правительства, со всей очевидностью доказывают, что переговоры г-на Миколайчика с Польским национальным комитетом служили прикрытием для тех элементов, которые вели из-за спины Миколайчика преступную террористическую работу против советских офицеров и солдат на территории Польши. Мы не можем мириться с таким положением, когда террористы, подстрекаемые польскими эмигрантами, убивают в Польше солдат и офицеров Красной Армии, ведут преступную борьбу против освобождающих Польшу советских войск и прямо помогают нашим врагам, союзниками которых они фактически являются. Замена Миколайчика Арцишевским и вообще министерские перестановки в польском эмигрантском правительстве еще больше ухудшили положение и создали пропасть между Польшей и эмигрантским правительством.

Между тем Польский национальный комитет добился серьезных успехов в укреплении польского государства и аппарата государственной власти на территории Польши, в расширении и укреплении польского войска, в практическом проведении ряда важных государственных мероприятий, и в первую очередь земельной реформы в пользу крестьян. Все это привело к консолидации демократических сил Польши и к сильному укреплению авторитета Национального комитета среди широких кругов народных масс в Польше и среди широких общественных кругов за границей.

Мне представляется, что теперь мы должны быть заинтересованы в том, чтобы поддержать Польский национальный комитет и всех тех, кто хочет и способен работать вместе с ним, что особенно важно для союзников и для решения нашей общей задачи — ускорения разгрома гитлеровской Германии. Для Советского Союза, выносящего на себе всю тяжесть борьбы за освобождение Польши от немецких захватчиков, вопрос о взаимоотношениях с Польшей в данных условиях является делом повседневных, тесных и дружественных отношений с властью, которая создана польским народом на своей земле и которая уже окрепла и имеет свое войско, ведущее вместе с Красной Армией борьбу против немцев.

Я должен откровенно сказать, что если Польский комитет национального освобождения преобразуется во временное польское пра-

вительство, то ввиду сказанного выше у советского правительства не будет серьезных оснований откладывать вопрос о его признании. Следует иметь в виду, что в укреплении просоюзнической и демократической Польши Советский Союз заинтересован больше, чем любая другая держава, не только потому, что Советский Союз несет главную тяжесть борьбы за освобождение Польши, но и потому, что Польша является пограничным с Советским Союзом государством и проблема Польши неотделима от проблемы безопасности Советского Союза. К этому надо добавить, что успехи Красной Армии в Польше в борьбе с немцами во многом зависят от наличия спокойного и надежного тыла в Польше, причем Польский национальный комитет вполне учитывает это обстоятельство, тогда как эмигрантское правительство и его подпольные агенты своими террористическими действиями создают угрозу гражданской войны в тылу Красной Армии и противодействуют успехам последней.

С другой стороны, при создавшихся в Польше условиях нет оснований для продолжения политики поддержки эмигрантского правительства, которое потеряло всякое доверие у польского населения в стране и к тому же создает угрозу гражданской войны в тылу Красной Армии, нарушая тем самым наши общие интересы успешной борьбы с немцами. Я думаю, что было бы естественно, справедливо и выгодно для нашего общего дела, если бы правительства союзных держав в качестве первого шага пошли теперь же на обмен представителями с Польским национальным комитетом с тем, чтобы через некоторое время признали его законным правительством Польши после того, как Национальный комитет преобразуется во временное правительство Польши. В противном случае я боюсь, что доверие польского народа к союзным державам может ослабнуть. Я думаю, что мы не можем допустить, чтобы польский народ мог сказать, что мы отдаем интересы Польши в жертву интересам кучки польских эмигрантов в Лондоне.

Рузвельт сообщил мне о своем ответе.

Президент Рузвельт — премьер-министру

30 декабря 1944 года

Сегодня я послал следующее письмо Сталину. Вы увидите, что мы идем в ногу с Вами.

«Я должен сообщить Вам, что я обеспокоен и глубоко разочарован Вашим посланием от 27 декабря относительно Польши, в котором Вы сообщаете мне, что Вы не считаете для себя возможным откладывать вопрос о признании Люблинского комитета в качестве временного правительства до того времени, когда мы смогли бы основательно обсудить весь вопрос во время нашей встречи. Мне кажется, что ни Ваше-

му правительству, ни Вашим армиям не было бы причинено серьезных неудобств, если бы Вы отложили чисто юридический акт признания на короткий срок в один месяц, остающийся до нашей встречи.

В моей просьбе не было предложения о том, чтобы Вы ограничи-ли Ваши деловые отношения с Люблинским комитетом, как не было и мысли о том, чтобы Вы имели дело с лондонским правительством в его нынешнем составе или признали бы его. Я настоятельно просил Вас об этой отсрочке ввиду того, что Вы поймете, как я думаю, какое в высшей степени неблагоприятное и даже серьезное действие на мировое общественное мнение и на моральное состояние противника в этот момент войны оказало бы официальное признание Вашим правительством одного правительства Польши, в то время как большинство других Объединенных Наций, включая Великобританию и Соединенные Штаты, продолжает признавать польское правительство в Лондоне и поддерживать с ним дипломатические отношения.

С такой же откровенностью, как и Вы, я должен сообщить Вам, что я не вижу перспектив того, чтобы правительство Соединенных Штатов последовало этому и перевело бы свое признание с лондонского правительства на Люблинский комитет в его нынешней форме. Это никоим образом не объясняется какими-либо особыми связями с правительством в Лондоне или чувствами к нему. Дело в том, что пока ни правительство, ни народ Соединенных Штатов не видели какого-либо доказательства, вытекавшего либо из способа его создания, либо из последующих событий, которое оправдывало бы тот вывод, что Люблинский комитет в том виде, как он учрежден сейчас, представляет народ Польши. Я не могу игнорировать тот факт, что пока лишь небольшая часть собственно Польши, лежащая к западу от линии Керзона, освобождена от германской тирании, и поэтому неоспоримой истиной является то, что польскому народу не было предоставлено возможности высказаться в отношении Люблинского комитета.

Если когда-либо в будущем после освобождения Польши будет учреждено временное правительство Польши, пользующееся всенародной поддержкой, позиция правительства Соединенных Штатов, конечно, будет определяться решением польского народа.

Я полностью разделяю Ваше мнение, что положение ухудшилось в результате ухода г-на Миколайчика из правительства в Лондоне. Я всегда считал, что г-н Миколайчик, который, как я убежден, искренне стремится к решению всех вопросов, остающихся не решенными между Советским Союзом и Польшей, является единственным польским деятелем на примете, который, кажется, может обеспечить подлинное решение трудного и опасного польского вопроса. Ввиду моего личного знакомства с г-ном Миколайчиком и моих бесед с ним, когда он был здесь, в Вашингтоне, и его усилий и линии поведения впоследствии, во время

его пребывания в Москве, мне крайне трудно поверить, чтобы он знал о каких-либо инструкциях в отношении террористических актов.

Это послание направляется Вам с тем, чтобы Вы знали позицию правительства Соединенных Штатов в отношении признания в настоящее время Люблинского комитета в качестве временного правительства Польши. Сейчас я более чем когда-либо раньше убежден, что, когда мы втроем встретимся, мы сможем достичь решения польской проблемы, и я поэтому по-прежнему надеюсь, что Вы отложите до этого времени официальное признание Люблинского комитета в качестве правительства Польши. Я не вижу, чтобы с военной точки зрения были бы какие-либо большие возражения в отношении отсрочки на один месяц».

Сталин ответил:

Маршал Сталин — президенту Рузвельту
1 января 1945 года

Ваше послание от 31 декабря получил.

Я весьма жалею, что не сумел убедить Вас в правильности позиции советского правительства по польскому вопросу. Тем не менее я надеюсь, что события убедят Вас, что Польский национальный комитет все время оказывал и продолжает оказывать союзникам, в частности Красной Армии, важное содействие в борьбе против гитлеровской Германии, в то время как эмигрантское правительство в Лондоне вносит дезорганизацию в эту борьбу и тем самым помогает немцам.

Конечно, мне вполне понятно Ваше предложение отложить на месяц признание временного правительства Польши Советским Союзом. Но здесь имеет место одно обстоятельство, которое делает меня бессильным выполнить Ваше пожелание. Дело в том, что 27 декабря Президиум Верховного Совета СССР на соответствующий запрос поляков уже сообщил, что он намерен признать временное правительство Польши, как только оно будет сформировано. Это обстоятельство делает меня бессильным выполнить Ваше пожелание.

Разрешите поздравить Вас с Новым годом и пожелать Вам здоровья и успехов.

Теперь я получил послание по вопросу о Польше непосредственно от самого Сталина.

Маршал Сталин — премьер-министру
4 января 1945 года

Вы, конечно, уже знаете, что Польский национальный совет в Люблине принял и опубликовал решение о преобразовании Польского комитета

национального освобождения во временное национальное правительство Польской Республики. Вам хорошо известно наше отношение к Польскому национальному комитету, который, по нашему мнению, приобрел уже большой авторитет в Польше и является законным выразителем воли польского народа. Преобразование Польского национального комитета во временное правительство нам представляется вполне назревшим, особенно после того, как Миколайчик ушел из состава эмигрантского польского правительства и последнее лишилось тем самым всякого подобия правительства. Я думаю, что нельзя оставлять Польшу без правительства. В соответствии с этим советское правительство дало согласие признать временное польское правительство.

Я очень жалею, что мне не удалось полностью убедить Вас в правильности позиции советского правительства по польскому вопросу. Но я все же надеюсь, что дальнейшие события покажут, что наше признание польского правительства в Люблине отвечает интересам общего дела союзников и содействует ускорению разгрома Германии.

Прилагаю для Вашего сведения два моих послания президенту по польскому вопросу.

Мне известно о том, что президент имеет Ваше согласие на встречу нас троих в конце этого месяца или в начале февраля. Я буду рад видеть Вас и президента на территории нашей страны и надеюсь на успех нашей совместной работы.

Пользуюсь случаем, чтобы поздравить Вас с Новым годом и пожелать Вам наилучшего здоровья и успехов.

Мне казалось, что дальнейшая переписка вряд ли принесет большую пользу. Только личная встреча давала надежду.

Премьер-министр — маршалу Сталину

5 января 1945 года

...Благодарю Вас за присланные Вами два послания на имя президента по польскому вопросу. Конечно, я и мои коллеги по военному кабинету огорчены тем оборотом, который принимают события. Я вполне понимаю, что самое лучшее — это встретиться нам троиm вместе и обсудить все эти дела не только как изолированные проблемы, но в связи с общей международной обстановкой как в отношении войны, так и перехода к миру. Тем временем наша позиция, как она Вам известна, остается неизменной...

Президент был полностью убежден в необходимости новой встречи «трех», переговоры о которой шли уже в течение некоторого времени. Затем последовала обычная дискуссия о месте встречи. «Если Сталин не может встретиться с нами в Средиземном море, — сказал

президент, — я готов приехать в Крым и встретиться в Ялте, которая кажется мне самым подходящим местом на Черном море, поскольку там наилучшие помещения на побережье и самая надежная летная погода. Моя группа будет такой же, как группа, сопровождавшая меня в Тегеран, — примерно тридцать пять человек. Я все еще надеюсь, что военное положение позволит маршалу Сталину встретить нас на полпути».

Я ответил:

Премьер-министр — президенту Рузвельту

29 декабря 1944 года

Посылаю Вам доклад морского министерства о Ялте. Если будет решено выбрать это место, было бы хорошо иметь несколько эсминцев, на которых мы могли бы жить в случае необходимости. Нам не трудно будет вылететь с большой авиационной базы и метеорологического центра в Казерте. Я лично делал посадку на «Йорке» в Симферополе. Однако я полагаю, что Сталин приготовит нам хорошие условия на побережье. Постараемся, чтобы наша группа была как можно меньшей. Думаю, что мы должны рассчитывать на конец января.

31 декабря я телеграфировал: «Придумали ли Вы, как назвать эту операцию? Если нет, я предлагаю “Аргонавт”. Это название имеет локальный, но отнюдь не отрицательный оттенок».

Президент Рузвельт — премьер-министру

2 января 1945 года

Ваше предложение относительно «Аргонавта» принято. Ведь мы с Вами — прямые потомки.

Лорд Галифакс сообщил из Вашингтона, что он видел президента за день до этого и, по его мнению, он «выглядел не слишком хорошо». Но Рузвельт сказал ему, что он чувствует себя прекрасно и многого ждет от нашей встречи. Он сказал, что, по его мнению, наши действия в Греции имели колоссальное значение и он весьма сожалеет о том, что не может заехать по дороге в Англию. Его тревожили атаки японских летчиков-смертников на Тихом океане, из-за которых на одного японца постоянно погибало 40—50 американцев. Президент не очень надеялся на скорое окончание той или другой войны.

Это замечание и другие соображения вызвали у меня желание договориться о совещании объединенного англо-американского штаба, на котором мы оба могли бы либо председательствовать, либо просто присутствовать перед нашей встречей со Сталиным. Поэтому я послал следующую телеграмму:

Премьер-министр — президенту Рузвельту

5 января 1945 года

Не можете ли Вы провести два-три вечера на Мальте и предоставить начальникам штабов возможность побеседовать, не привлекая к себе внимания? Эйзенхауэр и Александер также могли бы присутствовать там. Мы считаем очень важным обсуждение некоторых вопросов, не затрагивающих русских, например вопрос о Японии, а также о дальнейшем использовании итальянских армий. Вам достаточно сказать слово, и мы сможем все подготовить.

Сначала президент не считал для нас возможным провести предварительное совещание на Мальте. Он сказал, что, если погода на море будет благоприятной, он сможет быть там ко 2 февраля и ему придется продолжить свой путь в тот же день, чтобы не нарушить договоренности о сроках со Сталиным. Тем не менее я настаивал на своем предложении. Начальникам английских и американских штабов было крайне необходимо посоветоваться до того, как мы приедем в Ялту, и я надеялся, что руководители этих штабов сумеют прибыть на Мальту за два-три дня до нас и обсудить вместе военные вопросы. Я надеялся, что президент пригласит Эйзенхауэра, если на фронте смогут обойтись без него, и я хотел, чтобы приехал также и Александер.

* * *

29 января я вылетел с аэродрома Нортхолт на «скаймастере». На Мальту мы прилетели перед самым рассветом 30 января.

2 февраля утром группа президента прибыла на американском корабле «Куинси» в гавань Валетта. В 6 часов вечера в каюте президента состоялась наша первая официальная встреча. Здесь мы просмотрели доклад объединенного англо-американского штаба и подвели итог военным переговорам, происходившим на Мальте в предыдущие три дня. Наши штабы проделали замечательную работу. Их переговоры касались главным образом разработанного Эйзенхауэром плана переброски его сил к Рейну и форсирования Рейна. Мы, конечно, воспользовались возможностью сделать обзор всего хода войны, включая войну против немецких подводных лодок, будущие кампании в Юго-Восточной Азии и в районе Тихого океана, а также положение на Средиземном море. Мы неохотно согласились вывести наши две дивизии из Греции, как только там можно будет обойтись без них. Я дал ясно понять, что мы не будем обязаны этого делать до тех пор, пока греческое правительство не создаст собственные вооруженные силы. Три дивизии надлежало также вывести из Италии, чтобы укрепить положение в Северо-Западной Европе, но я подчеркнул, что было бы неразумно отзываться значительные

силы десантных частей. Очень важно было решительно воспользоваться любой капитуляцией немцев в Италии, и я сказал президенту, что мы должны занять как можно большую часть Австрии, так как «нежелательно, чтобы русские оккупировали в Западной Европе больше того, что необходимо». По всем этим военным вопросам была достигнута значительная степень согласия, и переговоры оказались полезными, поскольку члены объединенного англо-американского штаба познакомились со взглядами друг друга, прежде чем начать переговоры со своими русскими коллегами.

В этот вечер мы все вместе пообедали на «Куинси» и обсудили в неофициальной обстановке результаты переговоров, происходивших в предыдущие дни между Иденом и Стеттиниусом по политическим вопросам, которые должны были быть поставлены в Ялте. В эту ночь началось «великое переселение». Группа в «тридцать пять», о которой ранее говорил президент, была обеими сторонами увеличена раз в десять. Транспортные самолеты поднимались с аэродрома через каждые 10 минут, чтобы переправить в Крым, на расстояние примерно 1400 миль, около 700 человек, входивших в английскую и американскую делегации. Там еще за два месяца до этого были расквартированы части английской авиации для подготовки технической стороны дела. Я забрался в свой самолет после обеда и лег спать. После продолжительного полета в холодную погоду мы приземлились на аэродроме, покрытом глубоким снегом. Мы инспектировали почетный караул: президент — сидя в открытой машине, а я — шагая рядом с ней. Потом наша группа направилась в большой шатер, чтобы подкрепиться вместе с Молотовым и членами русской делегации, которые приехали нас встречать.

Затем мы двинулись в длинное путешествие из Сак в Ялту.

На путешествие ушло почти восемь часов. Вдоль дороги мы часто видели выстроенных русских солдат (в том числе и женщин), стоявших отдельными отрядами плечом к плечу на улицах селений, на главных мостах, в горных ущельях. Когда мы пересекли горы и спустились к Черному морю, мы внезапно ощутили тепло, яркий солнечный свет. Климат здесь очень мягкий.